

Александр Тихонов

ИЗ ЗАМЕТОК НА ПОЛЯХ

Поэту непросто, ведь странная эта стезя
Хоть мучит, но учит: в стихах пресмыкаться нельзя,
В угоду кому-то смягчаться, менять падежи.
Искусство поэзии - душу очистить от лжи.

* * *

Мне испуганный ветер свистел: не пытайся, не смей...
Мне курлыкали голуби: дурень, стихия не та...
Я, конечно, бумажный, но, всё-таки – все-таки! – змей.
Отправляюсь в полёт, а внизу - беготня, суeta.

Всё земное становится мелким с шестого витка.
Захлебнувшись свободой, судьба восхищённо-слепа.
Не хватает размотанной лески, длины поводка!
Кто-то дёргает вниз. И я падаю. Падаю. Па...

Безымянный творец, смастериивший меня, не кривись.
Я игрушка на нитке, покорная тёплым рукам.
Если склеишь мои переломы, вдохнёшь в меня жизнь,
Всё равно я порву поводок и сбегу к облакам.

ИЗ ДЕТСТВА

Зажигалку в тонких пальцах крутит
Вовка из соседнего двора.
- Эй, ушлёпок, закурить не будет? -
Вслед за Вовкой цедит детвора.

Вслед за Вовкой шапку на затылке
Носит вся сопливая шпана.
Вслед за Вовкой тянутся к бутылке,
Кличками затёрли имена.

Вовка кроет матом, глушит брагу.
- Хочешь быть крутым? Так докажи.
Вслед за Вовкой, бросившим «шарагу»,
Пацаны спешат за гаражи.

Сельский Мефистофель стелет гладко,
А в глазах мерцают угольки:
- Пацаны, несите шоколадку.

Вам не стать крутыми без фольги.

* * *

Темноглазые, шустрые жительницы Алтая
Продают барабаны, привезённые из Китая,
Безделушки из камня, магниты, орехи, травы,
Кружки, ложки, футбольные мячи, игрушки, ножи, приправы,
Сотню видов настоек из пантов самца марала,
А ещё: «Этот чай моя бабушка собирала».
И на птичьем наречье легко меж собой болтая,
Вдруг кричат через площадь: «Купите дары Алтая!».

Темноглазые девушки пахнут цветами, мёдом.
Их язык словно бритва, их глаз хорошо намётан.
Покупателей могут легко прочитать по лицам:
Вот проходит типичная жительница столицы,
Семеняят иностранцы - смешливых туристов стайка,
Бородатые хипстеры в рваных линялых майках...
«Медовуху попробуйте. Триста рублей за литр».
Не успеешь ответить, а рюмка уже налита.

У алтайских принцесс звонко мелочь гремит в карманах,
Есть в запасе легенды про мудрых седых шаманов.
«Прикупи оберег». Или лучше красивый камень,
Что зализан до блеска далёкими ледниками.
Целлофаном накрыли товар, умотавшись за день.
А в маршрутке поёт об Алтае Добрыня Сатин.
Темноглазые девушки молча поедут в город.
Завтра снова туристы, привычные, словно горы.

* * *

Мир будто прорастает сквозь меня:
Я ощущаю ток древесных соков,
Я чувствую, как ввысь взмывает сокол,
Как тонко струны времени звенят,
Как яростно колотят по вискам
Чужие мысли, полные тревоги,
И тешатся придуманные боги
Тем, что им строят замки из песка.

«Я атом, осознавший свой удел,
Случайно наделённый хрупкой волей.
Я винтик, что в движенье разглядел
Вселенскую механику, не более...»

Живу, себя однажды убедив:
Из винтиков, из атомов, из точек
Слагается глобальный нарратив
Истории усталых одиночек,
Себе под нос бормочущих в тиши,
Что жизнь ценна, что созиданье – норма,
А злоба - лишь уродливая форма
Агонии сознанья и души.

* * *

Мы с тобой, как звёзды, не долетели
И сгорели где-то в житейской мгле.
Засыпает город под свист метели.
Засыпает снег мой нетвёрдый след.

А в кармане мёрзнет билет на поезд.
За плечом рюкзак, впереди – страна,
Где стоят деревни в снегу по пояс –
Кукольные домики в два окна.

В них иные беды, иные страсти,
От других проблем на душе сквозняк.
Холодно в вагоне: металл и пластик,
Всюду шебуршание и возня.

Звёзды и вагоны... Себя итожа,
Что-нибудь, пожалуй, пойму в пути.
Мы не долетели. И всё же. Всё же!
Верь, рождённый ползать ещё...

* * *

Словно в поле колосок к колоску,
У ребёнка волосок к волоску –
Белобрысый сорванец.
Всё целует его в темечко мать
И не хочет до поры понимать –
Скоро детству конец.

Глядь – а время, словно серый волчок,
Норовит его схватить за бочок.
Не ложись на краю!
Может, пуля где-то ждёт, может меч.
Не уйти, не отступить, не сберечь.
Баю-баюшки-баю.

Баю-баю... Смотрит сны и растёт.
Сны, где он в горчащий пепел растёрт,
Долг свой выполнив дотла.
Там во сне он – русый русский солдат.
Что за битва, сквозь огонь не видать.
Голова его бела...

Там, во сне, солдат пропал без следа.
С той поры он и земля, и вода,
Да за печкою сверчок.
Он и пламень, он и дождь, коли так.
Он – гудящие в ночи провода,
Бьющий в поле родничок.

* * *

Люди в поле облако поймали,
Посадили в каменный подвал.
В этом мрачном каменном подвале
Свет дневной от веку не бывал.

Люди, возомнив себя богами,
Захмелев от винного тепла,
Облако пинали сапогами -
Дождевая сукровица шла.

А когда оно в обиде жгучей
Закрутило чёрный ураган,
Крикнули: «Мы вырастили тучу
На беду соседям и врагам!»

Но дома из камня и металла
Туча разметала в тот же час.
Била градом, молнии метала,
Над судьбой людскою хохоча.

Где она скитается веками,
Ищет утешенье и приют?
Не живётся туче с облаками.
Люди тут же зонтик достают.

Вот и я смотрю на небо косо,
Словно гложет общая вина.
На груди могучего утёса
В поздний час расплачется она.

СНЫ О ЧАЙКЕ

Моя судьба самоповтором бредит.
Туман, туман, а где-то далеко
Уходит белый парус в молоко.
И плеск волны, и пустота на рейде.
Чего-то ждёт душа, едва дыша,
То зябко ёжась, то от счастья млея.
Я вижу, как, в испуге, с голыша
Взлетает чайка. И туман мелеет.

Но всё начнётся заново, когда
Сквозь белизну мне станет парус виден,
И небо видно, и видна вода.
Так почему я на тебя в обиде,
Судьба моя, идущая опять
След в след себе, замкнувши круг, в котором
Я мучаюсь пустым самоповтором
И не могу ни в сторону, ни вспять?

Вернётся чайка, заберётся на
Ближайший камень. Парус затрепещет.
Но вновь придёт тумана пелена
И спрячет до поры мечты и вещи,
И море, и небесный окоём.
Опять стою в дурманящей печали.
Опять пытаюсь думать о своём.
Опять в конце всё точно как в начале.
Хоть поводок решения упруг,
Но нет пути, лишь замыкаю круг.

И эта надоевшая строка,
Туман и море, камень и рука,
Хватающая камень. «Получай-ка,
Тупая птица!» И туман, и чайка,
Летящая в туман, от камня прочь.
Не говори, что и туман, и птица
Не повторятся, жизнь не повторится,
Не предрекай иного, не пророчь.

Я так хочу остаться в этом месте.
В тоскливой дрёме, с морем в унисон
Дышать и чайку ждать, как ждут известий.
И думать, смерть ли это, или сон?
Мне белой птицы не дано коснуться,

А камень раз за разом отстаёт.
И я хочу, но так боюсь проснуться
И не увидеть в комнате её.